

Садвокасова З.Т.
**Политика самодержавия
в религиозной сфере
Казахстана (на примере
миссионерской деятельности)**

В данной статье автор рассматривает историю и особенности миссионерской деятельности Русской православной церкви на территории Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков. Автор раскрывает суть колониальной политики царской России, которая проявляется в открытии школ, духовных семинарий и в подготовке миссионеров, проповедников православия среди казахского народа. Для подготовки миссионеров открывались различные учебные заведения и организации. Подготовленные проповедники православия проводили свою деятельность среди казахов. Однако автор отмечает что вместе с религией казахи переняли отдельные традиции русских, которые стали отражаться на жизни коренных жителей. По мнению автора, это не способствовало широкому распространению православия, несмотря на все усилия, предпринятые миссионерами, казахи остались мусульманами, хотя встречались случаи перехода в православие. Также в статье анализируется просветительская и миссионерская деятельность православных церковных братств, таких как Туркестанское Епархиальное Казанско-Богородичное братство, преобразованное позже в Семиреченское и Омское епархиальное братство. В заключении автор отмечает важность исследования миссионерской деятельности православной церкви в истории Казахстана.

Ключевые слова: миссионер, христианизация, православие, церковная политика, руссификация.

Sadvokasova Z.T.
**Policy of the autocracy in the
religious sphere in Kazakhstan
(on example of missionary
activity)**

In this article the author examines the history and characteristics of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author reveals the essence of the colonial policy of royal Russia, which is manifested in the opening of schools, seminaries and in the preparation of missionaries, preachers of Orthodoxy among the Kazakh people. For the preparation of the missionaries opened various educational institutions and organizations. Completed Orthodox preachers conducted its activities among the Kazakhs. However, the author notes that, together with religion, the Kazakhs have adopted some Russian traditions, which were reflected on the lives of indigenous people. According to the author, it does not contribute to the wide dissemination of Orthodoxy, in spite of all the efforts made by missionaries, the Kazakhs remained kazakhss, although there were cases of conversion to Orthodoxy met. The article also analyzes the educational and missionary activity of Orthodox Church brotherhoods, such as Turkestan Kazan Eparchial Holy Mother brotherhood converted later Semirechensk and Omsk diocesan fraternity. In conclusion, the author points out the importance of studying the missionary activities of the Orthodox Church in the history of Kazakhstan.

Key words: missionary, christianisation, orthodoxy, church policy, russification.

Садвокасова З.Т.
**Қазақстанның діни
саласындағы самодержавие
саясаты (миссионерлік қызмет
мысалында)**

Мақалада автор XIX-ғасырдың екінші жартысы мен XX-ғасырдың бас кезіндегі Қазақстан территориясындағы Орыс Православ шіркеуінің миссионерлік қызметінің тарихы мен ерекшеліктерін қарастырады. Автор қазақ халқына православие дінін таратушы миссионерлерді даярлау және мектептер мен семинариялар ашу сияқты мәселелерде көрініс табатын патшалық Ресейдің отаршыл саясатының мәнін ашады. Миссионерлерді даярлау үшін түрлі оқу орындары мен әртүрлі ұйымдар ашылды. Дайындықтан өткен миссионерлер қазақ халқы арасында уағыз-насихат жүргізе бастайды. Дегенмен, автордың пайымдауынша, дінмен бірге қазақтар орыс дәстүрінің кейбір келеңсіз тұстарын да қабылдап алып, православие дінін дұрыс ұстанбады. Автордың пікірінше, бұл өз кезегінде православиенің кеңінен таралуына зиянын тигізді. Миссионерлердің уағыз-насихаттарына қарамастан, қазақтар мұсылман болып қала берді, тек кейбір жеке жағдайда ғана православиеге өту көрініс тапты. Сонымен бірге, мақалада түркістандық Епархиалды Қазан-Құдайлық, кейіннен жетісулық деп өзгертілген бауырластық және омбылық епархиалық бауырластық сияқты православиелік шіркеу бауырластықтарының миссионерлік қызметі талданады. Мақала соңында автор Қазақстан тарихындағы православ шіркеуінің миссионерлік қызметін зерттеудің маңыздылығына назар аударады.

Түйін сөздер: миссионер, христиандандыру, православие, шіркеу саясаты, орыстандыру.

**ПОЛИТИКА
САМОДЕРЖАВИЯ
В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕ-
РЕ КАЗАХСТАНА
(на примере
миссионерской
деятельности)**

Миссионерство – одна из форм идеологической экспансии, получившая большое распространение в период колониальных захватов, способствовавшая, укреплению позиций колониальных государств. С миссионерством тесно связана деятельность церкви по распространению религии среди иноверцев, проживающих на захваченных территориях. Миссионеры объединялись в одну организацию, ставили перед собой определенные цели и задачи. В начале XX века в мире «существовало 331 миссионерское общество» [1, с. 222].

Миссионеры должны были отличаться примерным поведением, налаживать дружественные связи с нехристианами, устанавливая с людьми отношения, основанные на взаимном уважении и «милосердии». К числу требований к проповедникам православной веры относится также следующее: «Он должен приобщаться к культуре и общественной жизни страны, уважать ее национальные и религиозные традиции, отыскивать в них «скрытые зародыши» христианской веры» [2, с. 338]. Миссионеры обязаны были знать язык народа, среди которого собирались проводить православную проповедь: «О переводчиках же при миссии не должно быть и речи, это позор для миссионеров» [2, с. 464]. Однако эти правила и требования в основном остались лишь на бумаге. Все чаще миссионеры стали прибегать к средствам, далекие от уважения и милосердия.

Вопросы по привлечению инородцев в православие обсуждались служителями церкви. Во второй половине XX века архиепископ Казанский организовал ряд встреч духовенства своей епархии для обсуждения задач обращения в православие инородцев, практиковавших ислам или традиционные религии, – с целью постараться приблизить их к русскому народу. По завершении встреч он обобщил сделанные предложения. «Один священник говорил, что «никакой пользы не будет от пастырских назиданий до тех пор, пока гражданское начальство не принудит силой инородцев изменить свой домашний быт и переделать его на русский строй». Другие предлагали ввести обязательные смешанные браки между русскими и представителями других народов. Третьи считали, что следует запретить продажу инородцам определенных типов посуды, «Так как причиной отчуждения русских от инородцев служит их неря-

шество, потому что они варят и моют белье в одних и тех же котлах». Четвертые рекомендовали прекратить торговлю живыми гусями и утками на базарах, поскольку, по крайней мере, один местный народ, чуваша, приносил этих птиц в жертву. Пятые призывали к насильственному переселению крещеных инородцев в русские общины, а язычников и мусульман – в отдаленные районы страны. Как можно заметить, совсем немного в этих рекомендациях прямо касалось вопросов веры и духовности» [3, с. 68]. Одни из них были приняты во внимание, другие были недостаточно обоснованы, третьи в силу нехватки земель для своих родных крестьян посчитали невыполнимыми. Тем более, что переселенческая политика рассматривалась в перемещении в обратном направлении.

Привлекательны были предложения уважаемых и опытных людей в миссионерском деле. Особенно преуспел в нем миссионер, ярый сторонник православия и увеличения числа правоверных среди инородцев Н.И. Ильминский. Его деятельность была тесно связана с образованием инородцев. И главная роль здесь отводилась христианизации через просвещение «туземцев». Гипотеза Ильминского, заключающаяся в том, что учителя, происходящие из коренного населения, больше пригодны для обучения инородцев. «Формулируя этот принцип заново в 1865 году ученый писал, что он основан как на этических, так и на лингвистических факторах: 1) на силе единоплеменности: которая привлекает большое доверие и сочувствие народа; 2) на применительности: учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени; 3) туземец в самой дикой родной дебри, в самом необеспеченном и скудном быту, будет чувствовать себя уютно, тогда как для иного человека будет ощутительно и тяжело отсутствие удобств цивилизационной жизни» [3, с. 85].

Гипотезы и проекты должны были доказываться и осуществляться на практике. В целях улучшения и успешного развития миссионерского дела в 1863 году возникает «Общество для распространения священного писания в России» [4, с. 143]. На смену ему в 1870 году приходит новое – образовывается Православное Миссионерское общество, которое осуществляет тесную связь с деятельностью местных отделений и комитетов. Число его членов заметно увеличивалось: если в 1888 году оно насчитывало 9,5 тысяч человек, то к 1900 году, составляло 14 тысяч человек, что, по мнению Председа-

теля Общества «весьма незначительно» (Письмо военному губернатору Семиреченской области от епископа Туркестанского и Ташкенского // ЦГА РК. Ф. 44; Оп. 1, д. 1507, л. 1). Важнейшей задачей общества была поддержка существующих и открытие новых миссий, обращение в православие всех нехристиан Российской империи и утверждение новой паствы в «истинах святой веры». В царской России действовали еще два миссионерских общества: «Императорское православное палестинское общество» и «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». В пределах азиатской России ежегодно «принимало православие до 5000 язычников обоого пола» [1, с. 220].

Для улучшения миссионерского дела в России создавались заведения, занимавшиеся подготовкой проповедников православия. В 1889 году в Казани были открыты Всероссийские миссионерские курсы (ВМК), ставшие крупнейшим центром подготовки христианских проповедников для всей восточной части Российской империи [5, с. 74]. «Основной целью создания данного учебного заведения была подготовка священников-миссионеров для «инородческих» приходов, имеющих добротные знания по истории, этнографии, религиозным верованиям местного населения, основам религиозной полемики, миссионерской деятельности среди религиозных меньшинств» [5, с. 75]. Так в Казани сформировалась двухступенчатая система подготовки православных проповедников: в академии готовились ученые богословы – будущие руководители и идеологи православной миссии, на курсах – непосредственные ее деятели, священники и миссионеры.

Кроме занятий и посещения лекций, в общую практику обучения на курсах в начале 20 столетия были введены учебные командировки. С целью закрепления полученных знаний, изучения языков и методов миссионерской деятельности, на время летних каникул курсисты направлялись в «инородческие» селения поволжских и сибирских епархий. Так, в 1900 г. были командированы Иван Хохлов в Тургайскую область и Оренбургскую губернию, в 1902 г. И. Краморенко – в Буковскую орду [5, с. 77].

С 1889 по 1914 на ВМК получили образование 854 человека. ВМК сыграли заметную роль в формировании миссионерского движения РПЦ. Само их открытие свидетельствует о стремлении церковного руководства к качественному улучшению и активизации проповеднической деятельности среди религиозных меньшинств,

укреплению христианской традиции среди местных народностей [5, с. 79].

В колониальной политике русского царизма изменению вероисповедания коренного населения отводилась главенствующая роль. Распространить христианство предполагалось на огромной территории, куда входил не только Казахстан, но и другие регионы Российской империи. В миссионерском противомусульманском сборнике был указан маршрут проповедников православия: «...от Оренбурга до Ташкента, а отсюда через Верный до Омска и далее – путь христианству уже намечен, – христианский крест чрез огромное расстояние светится в пустынях Средней Азии» [6, с. 142].

Церковная политика русского царизма направлялась на «подведение всех инородцев и всех иноверцев к знаменателю «русская народность» и «православие» и являлась одним из основных заветов царского самодержавия [7, с. 202]. Являясь своего рода лозунгом для православных священнослужителей, он оправдывал многие их действия и культивировал вседозволенность.

В реформах царского правительства середины XIX века по управлению казахскими землями были включены статьи, которые давали миссионерам рычаги воздействия на население. Некоторые привилегии касались крещенных казахов. В четвертом разделе «О правах киргизов» Положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 1868 года указано:

«247. Киргизам, принявшим христианство, дозволяется или оставаться в своих обществах, или прикочевывать к русским селениям в степи, с сохранением предоставленных киргизам прав.

248. Принявшие христианство киргизы, если пожелают, могут приписываться к городским и сельским общинам всех наименований, не испрашивая на то предварительного согласия обозначенных обществ» [8, с. 88].

Анализируя эти два пункта Положений, можно сделать следующие выводы. Миссионеры, опираясь на них, указывали на то, что крещенные казахи получали преимущества в передвижении. Вместе с тем, учитывалось то, что вступление под хоругви православия делало практически невозможным дальнейшее проживание в одном ауле со вчерашними единоверцами. Чаще всего крещенные казахи либо жили обособленно, либо пытались приблизиться к русским общинам. Предоставляемые преимущества призваны были компенсировать неприятие религиозных отщепенцев со стороны своих соплеменников.

Одновременно пребывание новообращенных в православие среди русских поселенцев должно было способствовать скорейшему их обрусению. Таким образом, христианизация в данном случае сопровождается и подкрепляется русификацией.

Увеличивая количество людей, вставших под хоругви православия, миссионеры столкнулись с неожиданными явлениями. Они связаны с тем, что крещенные казахи вместе с устоями христианской веры переняли отдельные бытовые традиции русского народа, идущие вразрез с проповедуемой высокой православной нравственностью. Недостатки, отмеченные в отчете миссионера: буйство и разлад в семье, буйство и разлад в обществе, обман и пьянство. До прихода сюда русских такие явления не наблюдались. Как писал П. Семенов: «Драк в семье, при всей прирожденной грубости киргиз, не бывает; даже дети редко наказываются телесно» [9, с. 192].

Миссионер указывает далее, что нетрезвый образ жизни «развит особенно сильно: выпивкой сопровождается семейная радость, всякая удача в продаже земли без ведома миссионера, как хозяина стана. Некоторые предаются этому пороку по случаю и без случая». Причины такого поведения новокрещеного миссионеры видят в следующем:

1. Поверхностный взгляд на христианскую веру и ее требования.

2. Пагубное влияние русских своим обычаем пить с радости или с горя, при различных сделках, так называемые магарычи.

3. Разобщенность новокрещенных, собранных, от всех сторон киргизской степи» (О миссионерской деятельности // ЦГА РК. Ф. 393; Оп. 1, д. 83, л. 204 об.).

Такие последствия христианизации вовсе не входили в планы и задачи русской православной церкви.

Теперь перед проповедниками встала новая задача – борьба с пьянством не только среди русских крестьян, но и крещенных киргизов. Указ Святейшего Синода от 5-11 июля 1889 года призывал духовенство содействовать правительству в борьбе с пьянством учреждением обществ трезвости, приходских попечительств, братств, церковных советов и других подобных организаций, способствовать словом и проповедью священнослужителей «отвлечению народа от питейных заведений» [10, с. 190].

Ответы на поставленные вопросы искали неслучайно. С одной стороны, подчеркивая равнодушие казахов к религии, с другой – миссионеры все же полностью не исключали вероятность

сопротивления их на распространение православия. Превентивные меры в этом случае играли положительную роль в деятельности проповедников православия. Владение информацией было необходимо в целях исключения активного противодействия со стороны казахов. Понятно, что игнорирование религиозных настроений коренных жителей чревато было непредсказуемыми последствиями. Любой промах мог вызвать нежелательную реакцию, надолго закрыв дорогу миссионерам в близлежащих аулах. Более того, узун-кулак с присущей ему скоростью разнес бы неудавшуюся попытку по всей казахской степи с добавлением новых примеров из жизни.

Церковь совершенствовала способы влияния на массы, готовила проводников своей политики. Насильственной русификацией и насаждением православия занимались братства в Казахстане. Во второй половине XIX века в России активно действовали православные церковные братства, утвержденные царем. Они создавались «для служения нуждам и пользам православной церкви... и для распространения и утверждения духовного просвещения», – говорилось в их уставе. Деятельность иноверных религиозных организаций называется посягательством на права православной церкви. В 1881-1894 годах в крупнейших городах империи было открыто 15 братств [11, с. 37].

Такие же братства открывались и среди казахов. На юге Казахстана с 1869 года было открыто Туркестанское Епархиальное Казанско-Богородичное братство, преобразованное позже в Семиреченское, а на севере в 1897 году образовалось Омское епархиальное братство (Отчет о деятельности Туркестанского Епархиального Казанско-Богородичного братства за 1895 год // ЦГА РК. Ф. 15; Оп. 1, д. 401, л. 556).

Деятельность братств была направлена на распространение среди широких народных масс «живого слова и здоровых понятий в духе православной веры, любви к отечеству и русской народности». Туркестанское братство способствовало обращению в православие иноверцев, по всей Туркестанской епархии, включая области: Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Аму-Дарьинский отдел с 150000 душ православного населения и более 3,5 млн. населения туземного. Действительные члены братства: братчики и братчицы – 400 человек (Отчет о деятельности Туркестанского Епархиального Казанско-Богородичного братства за 1895 год // ЦГА РК. Ф. 15; Оп. 1, д. 401, л. 556).

Помимо общих целей братств, основанных на уставе, ставились и другие, дополнительные, исходя из особенностей края. Семиреченское братство, помимо главной цели, «закрывающее в содействии к распространению и укреплению веры Христовой между магометанами и язычниками, населяющими Туркестанский край», также участвовало «в попечении о благолепии святых храмов, в поддержании народных школ в среде русского населения края, в пособии нуждающимся, преимущественно из числа новокрещенных, – вообще же в служении ближнему делом христианского милосердия телесного и духовного» [12, с. 164].

Не всегда являясь членами братства, чиновники колониальной администрации, тем не менее, активно помогали ему в распространении молитвенников, священных изображений и т.д. По области ими было роздано бесплатно и продано по пониженной цене «более 300 экземпляров книг, брошюр и около 1000 штук крестиков жителям разных захолустных поселков Семиреченской области» (Отчет о деятельности Туркестанского Епархиального Казанско-Богородичного братства за 1895 год // ЦГА РК. Ф. 15; Оп. 1, д. 401, л. 550).

Братства снабжались и печатными материалами на языке иноверцев среди книг, принадлежащих Туркестанскому братству, имелись книги на казахском языке. Книги эти, по плану священников, должны были принести им большую пользу благодаря своей низкой цене от 3 до 40 копеек за экземпляр – «вполне доступный каждому». Они охотно брались мещанами города Верного «для обучения киргиз, находящихся в услужении у них на пашнях» (Отчет о деятельности Туркестанского Епархиального Казанско-Богородичного братства за 1895 год // ЦГА РК. Ф. 15; Оп. 1, д. 401, л. 551).

Просветительская и миссионерская деятельность Омского Братства также выражалась в неустанном и широком распространении по всей обширной Омской епархии книг церковно-богословского, религиозно-нравственного, патриотического, антиалкогольного содержания, библий, икон и предметов церковной утвари. Благодаря удешевленной продаже и бесплатной раздаче Братство снабжало по мере сил население этими изданиями (Обзор Акмолинской области за 1915 год // ЦГА РК. Ф.393; Оп. 1, д. 12, л.23). Таким образом, деятельность братств тесно переплеталась с целями и задачами по насаждению православия среди казахского населения.

К миссионерским учреждениям относились учебные заведения по подготовке кадров для работы среди иноверцев. Духовные семинарии представляли собой среднее учебное заведение для подготовки служителей культа. По утверждению миссионеров открытие духовной семинарии в Омске стала настоятельной необходимостью. С учетом особенностей и нужд Омской епархии ставилась цель, чтобы будущие выпускники семинарии были готовы к «миссионерской деятельности среди сектантства, раскольников и мусульман». По мнению епископа Гавриила, для этого нужно будет за счет сокращения количества часов, отведенных на изучение латинского языка, или его исключения из учебной программы, ввести в качестве обязательных предметов «местные инородческие языки» и гигиену (Об открытии духовной семинарии // ГАОМО. Ф. 16; Оп. 1, д. 146. л. 11-15).

В соответствии с проводимой политикой в религиозной жизни коренных жителей присоединенных территорий действовал глава Туркестанского края. Всячески поддерживая православных, первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман изначально принимал решительные меры по предотвращению мусульманизации номадов края, начатой еще правителями Кокандского ханства. «Кауфман уделял этой проблеме особенное внимание. Самовольно поселившиеся в крае миссионеры из Бухары, Хивы разыскивались и незамедлительно высылались за пределы генерал-губернаторства без права на его территории впредь» [13, с. 243-244].

А вот относительно реакции казахов на деятельность миссионеров в другой части Казахстана и в более позднее время хорошо вид-

но из «Трудов частного Совещания, созванного 20 мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края». В частности здесь говорится: «По вопросу о прекращении деятельности православных миссионеров, киргизские представители Комиссии заявили, что деятельность православных миссий нежелательна им главным образом в виду того, что миссионеры расхваливая свою веру, позволяют себе хулить магометанскую и склоняют киргизов к крещению не путем убеждения, а посулами различных выгод. Комиссия и засим Совещание, усматривая в воспрещении деятельности православным миссиям стеснения для господствующей в государстве религии, признали прекращение миссионерства недопустимым» (Труды частного Совещания, созванного 20 мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края // РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 96, л. 34). То есть, попытка убедить комиссию о недобросовестных методах проведения работы по привлечению иноверцев в лоно православной веры, не дала желаемых результатов.

Таким образом, расширяющаяся сеть миссионерских учреждений на территории Казахстана ставила своей целью увеличение числа подданных царя, так как завоевание земель еще не означало полной победы. Окончательный успех виделся в изменении духовной жизни, в разрыве преемственности культуры. Строительство церквей, деятельность священнослужителей, миссионеров считалось недостаточным. Необходимо было подключить и другие средства: воздействовать на умы и сознание коренного населения повсеместно и при любом удобном случае.

Литература

- 1 Большая энциклопедия / под редакцией С.Н. Южакова. – СПб., 1909. – Т. 13.
- 2 Ястребов И.Б. Проблема миссионерства на Соборе. – М.: Мысль, 1968.
- 3 Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- 4 Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX-начала XX века. – Иркутск, 1986
- 5 Исхаков Р.Р. Из истории Всероссийских миссионерских курсов в г. Казани. // Образование и просвещение в губернской Казани. – Вып. I. – Казань, 2008.
- 6 Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской Духовной Академии. Вып. 20. – Казань, 1894.
- 7 Бонч-Бруевич В.Д. Силы русского клерикализма. – В кн. Религия и церковь в истории России. – М., 1975.
- 8 История Казахстана. Сборник документов XVIII – начала XX веков. – Алматы: Казак университеті, 2001.
- 9 Семенов П.П. Живописная Россия. Русская Средняя Азия. – Т. 10.– СПб., Москва, 1885.
- 10 Ушакова О.В. Духовенство Омской епархии и трезвенное движение в 1907-1914 гг. Тезисы докладов и сообщений региональной научно-методической конференции. – Омск, 1997.

- 11 Ипатьева А.А. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. канд. истор. наук. – Красноярск, 1999.
- 12 Церковно-общественный вестник // Туркестанский сборник. – СПб., 1873-1875. – Т.73.
- 13 Центральная Азия в составе Российской империи. От. ред. Абашинов С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. Новое литературное обозрение. – Москва, 2008.

References

- 1 Bol'shaya e'nciklopediya / Pod redakciej S.N. Yuzhakova. – SPb., 1909. – Т. 13.
- 2 Yastrebov I.B. Problema missionerstva na Sobore. – М.: My'sl', 1968.
- 3 Dzherasi R. Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- 4 Dameshek L.M. Vnutrennyaya politika carizma i narody' Sibiri XIX-nachala XX veka. – Irkutsk, 1986
- 5 Isxakov R.R. Iz istorii Vserossijskix missionerskix kursov v g. Kazani. // Obrazovanie i prosveshhenie v gubernskoj Kazani. Vy'p.I. Kazan'. 2008.
- 6 Missionerskij protivomusul'manskij sbornik. Trudy' studentov missionerskogo protivomusul'manskogo otdeleniya pri Kazanskoj Dухovnoj Akademii. Vy'p. 20. – Kazan', 1894.
- 7 Bonch-Bruevich V.D. Sily' russkogo klerikalizma. – V kn. Religiya i cerkov' v istorii Rossii. – М., 1975.
- 8 Istoriya Kazaxstana. Sbornik dokumentov XVIII – nachala XX vekov. – Almaty': Kazak universiteti, 2001.
- 9 Semenov P.P. Zhivopisnaya Rossiya. Russkaya Srednyaya Aziya. – Т. 10.– SPb, Moskva, 1885.
- 10 Ushakova O.V. Duxovenstvo Omskoj eparxii i trezvennoe dvizhenie v 1907-1914 gg. Tezisy' dokladov i soobshhenij regional'noj nauchno-metodicheskoj konferencii. – Omsk, 1997.
- 11 Ipat'eva A.A. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj cerkvi na yuge Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: Avtoref. dis. kand. istor. nauk. – Krasnoyarsk, 1999.
- 12 Cerkovno-obshhestvenny'j vestnik // Turkestanskij sbornik. – SPb., 1873-1875. – Т.73.
- 13 Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. От. ред. Abashin S.N., Arapov D.Yu., Bekmaxanova N.E. Novoe literaturnoe obozrenie. – Moskva, 2008.